
РОМАН
О МУЖЕСТВЕ, ДОЛГЕ И ВЕРНОСТИ СВОЕЙ ЗЕМЛЕ
ПОКА ГОРИТ СВЕТ

Чермен Цаболов

Пока горит свет

«Автор»
2026

Цаболов Ч.

Пока горит свет / Ч. Цаболов — «Автор», 2026

Он всю жизнь защищал других. Но однажды война пришла к порогу его собственного дома.Северная Осетия. Среди величественных Кавказских гор начинается история Хазби Цаболова — простого сельского мальчика, которому суждено стать легендарным майором советской милиции.Опасные преступники, перестрелки, подвиги и орден Красной Звезды. За суровой службой — судьба человека, умеющего любить, дружить и оставаться верным своему слову.Дома его ждут жена Роза и двое детей. Ради их счастья он готов на всё.Но осенью 1992 года мирная жизнь рушится. В ночь на 31 октября Хазби и его товарищи принимают неравный бой. Противник превосходит их числом, помощи ждать неоткуда, а дома остаются самые дорогие люди...«Пока горит свет» — пронзительный роман, основанный на реальной судьбе, о мужестве, любви, долге и цене человеческого выбора.Иногда подвиг длится всего одну ночь. А память о нём — целую вечность.

© Цаболов Ч., 2026
© Автор, 2026

Чермен Цаболов
Пока горит свет

Пока горит свет

Художественный роман

От автора

Художественное произведение по мотивам семейной истории. Реальные имена, отдельные даты и основные вехи жизни героя приведены по сведениям, предоставленным семьёй. Сцены, разговоры, письма, мысли персонажей и многие эпизоды вымышлены; они не претендуют на документальную точность.

ПРОЛОГ. СВЕТ В ОКНЕ

Октябрь 1992 года

Есть такая тишина, которая наступает перед рассветом. Не мирная, не сонная — настороженная. Словно весь посёлок, каждый дом, собака за воротами, садовая ветка у стены прислушиваются к тому, что ещё не случилось.

Я полюбил тишину ещё мальчишкой. В горах она была широкой, как небо. В Чермене — другой: в ней всегда слышались человеческие жизни. Кто-то заводил машину, кто-то ругал корову, ребёнок плакал в соседнем дворе, две женщины переговаривались через забор. Сколько бы раз я ни проходил по одной улице, она никогда не бывала прежней. И люди тоже.

В ту осень я всё чаще возвращался домой не по расписанию, а когда оставалась возможность. Роза не спрашивала, почему поздно. Её молчание говорило больше любого вопроса. Она ставила на стол ужин, снимала с чайника крышку, чтобы вышел пар, и только потом поднимала глаза.

— Опять не ел?

— Если скажу, что ел, ты поверишь?

— Нет.

Я улыбался. Это была маленькая семейная игра, ещё сохранившаяся среди больших тревог. Чермен, наш девятилетний сын, обычно не спал, хотя делал вид, что давно уснул. Лена, которой было семь, оставляла рядом с моей тарелкой рисунки. На одном мы стояли втроём у дерева, а Роза держала нас всех за руки. Меня она нарисовала в форме. Над плечами у меня светило огромное, почти неправдоподобное солнце.

— Папа, — спросила Лена однажды, — а ты можешь не ходить на работу?

— Сегодня уже не могу. Завтра посмотрим.

— Ты всегда так говоришь.

Дети замечают обман, даже когда он придумал себя из любви. Я сел рядом, взял её тонкую ладонь и сказал:

— Моя работа — чтобы другие спокойно возвращались домой.

— А ты?

Вот на это я долго не находил ответа. Прежде мне казалось, что человек отвечает за себя сам. Потом родились дети, и мир перестал помещаться в эту простую мысль. Теперь я знал: ты отвечаешь и за тех, кто ждёт тебя возле двери.

Позднее, когда Роза убирала посуду, я вышел во двор. На востоке поднимался ветер. Тёмная вершина была едва видна за крышами. Я вдруг ясно вспомнил Фалагкау: камни у дома, руки матери, голос отца, пахнувший дождём воздух. Словно вся жизнь от начала до нынешней ночи улеглась в одну прямую дорогу. Сколько на ней было перекрёстков! В каждом можно было повернуть. Я почему-то всякий раз выбирал путь, который вёл к чужой беде.

У нас в милиции любили говорить «личный состав». Точные, казённые слова. А я, произнося их, видел лица: усталые, смешливые, упрямые. Видел людей, у которых тоже были матери,

жёны, дети, больные отцы, невыплаченные долги и несказанные признания. В этом была не слабость службы, а её смысл.

В тот вечер я долго стоял у ворот. Соседский свет не гас. Неподалёку хлопнула калитка, кто-то позвал мальчика домой. Жизнь продолжалась с такой уверенностью, будто никакая сила не способна была её оборвать.

Я очень хотел, чтобы так и было.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ФАЛАГКАУ

17 июня 1940 года — начало пути

Мать говорила, что в день моего рождения воздух стоял прозрачный и холодный, хотя уже наступило лето. Горы были близко, как стены дома, и ей казалось, что если распахнуть дверь пошире, то ветер донесёт запах снега. Меня назвали Хазби. Отец, Степан, посмотрел на меня и сказал, что имя должно быть короче судьбы: тогда жизнь сама найдёт, чем его наполнить.

Не знаю, говорил ли он это на самом деле. В семье так много раз пересказывали историю моего рождения, что память давно перемешалась с выдумкой. Но голос отца я запомнил. Негромкий, твёрдый. Он не любил повторять распоряжения. Взрослые делали, что он попросил, не потому, что боялись, а потому, что Степан редко просил без причины.

Фалагкау в Гудском ущелье был моей первой вселенной. Для ребёнка мир начинается не с карты, а с нескольких предметов: порога, шероховатого камня, ведра у стены, материнского платка. Я помню, как вода в ручье казалась прозрачной до самого дна. Помню, как пытался удержать руками тень от облака, проходившую по земле. И как однажды поверил, что вершина движется вслед за мной, потому что куда бы я ни бежал, она оставалась впереди.

Мать Соня смеялась над моим открытием, но не разрушала его.

— Пусть гора идёт с тобой, — говорила она. — Главное, чтобы ты сам не останавливался.

Дома не было излишков. Хлеб на столе никогда не лежал без дела; старая одежда переходила от одного к другому, а хороший нож берегли так, словно это было наследство. Мы жили среди тяжёлой работы, которая не считалась подвигом. Мужчины вставали до света. Женщины ещё раньше. И дети рано понимали цену нагретой печи, чистого белья, полной миски.

Отец умел чинить почти всё. Я мог часами смотреть, как он вытаскивает из сломанной вещи её скрытую неполадку. У него были большие ладони с трещинами у ногтей. Однажды я заметил, как он долго держал в руке чужие часы, пытаясь найти, почему они отстают.

— Зачем ты их чинишь? — спросил я. — Они ведь не наши.

— Вот поэтому и надо аккуратнее, — ответил он.

Я не понял тогда смысла. Ребёнку кажется, что своё важнее чужого просто потому, что оно ближе. Чтобы отказаться от этой мысли, нужны годы, ошибки и боль.

Сестра Римма появилась в моих воспоминаниях не по годам, а по голосу — она всегда умела говорить так, будто знала ответ раньше вопроса. Братья Эрик и Тарас были моими товарищами в домашних войнах: за место у окна, за последнюю лепёшку, за право первым бежать к ручью. Мы ссорились, мирились, стояли плечом к плечу перед взрослыми, если кто-то из нас разбивал кувшин или возвращался домой в разорванной рубахе.

Помню одно зимнее утро. Снег ночью засыпал тропу, и мы с Эриком вышли во двор, чтобы проложить дорожку к воротам. Дул ветер. Работали мы лениво, забавляясь тем, как лопаты оставляют на снегу широкие следы. Отец вышел, посмотрел на нас и спросил:

— Почему вы чистите только середину?

— Здесь мы ходим, — сказал я.

— А старушка-соседка где пройдёт?

Мы переглянулись. Старушка жила за соседним забором, передвигалась медленно, с палкой. Я хотел сказать, что её двор — не наш. Отец прочёл ответ прежде, чем я раскрыл рот.

— Сначала сделайте так, чтобы она прошла. Потом играйте.

С того дня я не мог смотреть на расчищенную дорожку, не думая о тех, кому идти по ней труднее.

Я не родился смелым. Боялся темноты, собачьего лая и иногда отцовского молчания. Часто отступал, когда старшие мальчишки начинали спорить. Однажды мы играли у ручья, и один мальчик толкнул другого. Тот упал, ушиб руку и заплакал. Я видел всё, но промолчал, когда виноватый стал уверять взрослых, что никто никого не трогал.

Дома я был необычно тих. Соня присела рядом:

— Скажи, что случилось.

Я рассказал не сразу. Мне было стыдно даже не за страх, а за то облегчение, которое испытал, когда взрослые поверили чужой лжи и не спросили меня.

— Ты думаешь, промолчал — значит, ничего не сделал? — спросила мать.

— Я же не толкал.

— А тот, кого толкнули, остался один.

На следующий день я нашёл пострадавшего и попросил у него прощения. Он удивился. Потом мы вместе пошли к взрослым и сказали правду. Меня не похвалили. Да это и не требовалось. Я впервые ощутил, что признаться в собственном малодушии труднее, чем подраться.

Много позже, уже в форме, я вспоминал эту историю чаще, чем выстрелы и награды. Наверное, вся служба человека начинается с той минуты, когда он решает не оставлять другого одного.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДОМ, ГДЕ УЧИЛИСЬ СЛУШАТЬ

Черменская школа

Когда я начал ходить в Черменскую школу, мне казалось, что длиннее дороги не бывает. По утрам я шагал быстро, чтобы не опоздать; возвращаясь, замедлял шаг на каждом повороте. Домашняя работа никуда не исчезала, а уроки оставались в голове, словно камешки в обуви. Но именно школа впервые показала мне, что человек может жить сразу в нескольких мирах — в своём селении, в огромной стране и на страницах книги.

Я любил географию. Меня завораживали названия рек и городов, которых я никогда не видел. Учитель говорил о равнинах, где не было ни одной горы, и я не мог представить, как люди находят дорогу, если впереди нет вершины. История нравилась ещё больше: в ней всё было о людях, способных ошибаться, предавать, любить, бояться и всё-таки что-то менять.

Однажды учитель спросил, кем мы хотим стать. Кто-то сказал — инженером, кто-то — военным, кто-то — шофёром. Я ответил:

— Не знаю.

В классе засмеялись, а учитель не рассердился.

— Это честный ответ. Только не делай из него привычку.

Вечером я спросил отца, можно ли прожить хорошую жизнь и не стать знаменитым.

Степан долго занимался ремнём на старой сумке, прежде чем поднять голову.

— Можно. Только не путай незаметную жизнь с пустой.

В нашей семье не принято было разговаривать о любви. Соня подсовывала нам лучший кусок, отец проверял, не промокли ли ботинки, Римма приносила больному брату горячий чай. Это и была любовь — не произнесённая вслух,

зато неизменно присутствовавшая в каждом дне.

Эрик любил спорить. Если я утверждал, что завтра будет дождь, он обязательно спрашивал, откуда я это знаю. Тарас мог молчать целый вечер, но затем произносил одну фразу, после которой спор терял смысл. Римма замечала то, что остальным было некогда увидеть: у матери болит спина, отец устал сильнее обычного, соседка уже третий день не выходит за водой. Каждый из нас рос отдельным человеком, но дом удерживал нас вместе.

В школьные годы я стал свидетелем одной истории, которую запомнил надолго. Из класса исчезли деньги, собранные на общее дело. Подозрение пало на мальчика из небогатой семьи.

У него были старые ботинки, и одноклассники быстро решили, что бедность объясняет всё. Я тоже почти поверил. Только вот мальчик не оправдывался — сидел прямо, с белым от напряжения лицом.

После уроков я задержался и увидел, как настоящая пропажа обнаружилась между страницами журнала, куда деньги по ошибке переложил взрослый. Никто не хотел вспоминать прежних обвинений. Казалось бы, всё закончилось благополучно. Но мальчик ещё неделю не смотрел одноклассникам в глаза.

Тогда я впервые понял: ошибочное подозрение тоже оставляет след. Можно вернуть деньги, но гораздо труднее вернуть человеку доверие. Позже, работая с протоколами, я вспоминал его лицо всякий раз, когда кто-нибудь требовал «прижать» человека без достаточных оснований.

После школы я работал в колхозе «Чермен». Работа была знакомой, но теперь имела взрослую тяжесть. От зари до вечера день был расписан не твоими желаниями, а необходимостью. Кто-то ждал помощи с погрузкой, кому-то надо было исправить поломку, в поле не терпели долгих размышлений. Возвращаясь, я ощущал приятную усталость от честно прожитого дня.

Мне нравилось быть нужным. Но однажды я заметил, что начал гордиться самой этой нужностью. Стоило кому-то попросить совета, как я становился самоуверенным; стоило похвалить, как думал, будто могу справиться с любой задачей.

Отец увидел меня после очередного разговора у ворот.

— Хазби, — сказал он, — ты охотно помогаешь, когда тебя видят. А если никто не заметит?

Я обиделся.

— Я и так работаю целыми днями.

— Вот и работай. Я ведь не спорю.

Он ушёл, оставив мне собственный неприятный вопрос. Отцу была свойственна удивительная способность: он не доказывал правоту, а делал так, что я продолжал спорить с ним в одиночестве.

Те годы были временем простых надежд. Я представлял, что однажды построю собственный дом, услышу во дворе смех детей, буду приходить к ужину в одно и то же время. Мне казалось, это и есть нормальная судьба.

Будущее не объясняло, что за всё придётся выбирать заново — иногда ценой спокойствия близких.

В конце лета 1961 года пришла повестка. Мать аккуратно сложила мои вещи. Эрик вертел в руках фуражку, Тарас шутил, что теперь письма от меня придётся читать всей семьёй, а Римма незаметно положила в сумку чистый платок.

Отец проводил меня до ворот. Он не говорил длинных напутствий.

— В армии слушай, прежде чем отвечать. И смотри людям в лицо.

— Почему именно в лицо?

— Так меньше шансов забыть, что перед тобой человек.

Когда я уходил, мать стояла чуть позади него. В моём воспоминании она всегда поднимает руку, словно поправляет платок, и так и не успевает сказать последнюю фразу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЧУЖОЕ НЕБО

1961–1963 годы

Первое утро в армии началось не с команды, а с запаха мокрой шинели. Я лежал на узкой койке и пытался вспомнить, где нахожусь. За окном серело чужое небо, вокруг тяжело дышали незнакомые люди. Потом раздался приказ, и мы вскочили так поспешно, будто страх опоздать мог объяснить смысл всей службы.

На учениях земля была одинаково тяжёлой для всех. Высокий и низкий, городской и сельский, разговорчивый и молчаливый — каждый уставал, мёрз, мечтал добраться до кухни и поспать хотя бы час. Сперва я старался быть лучше других. Потом понял, что в подразделении нельзя быть лучше в одиночку. Если товарищ отстаёт, мы опаздываем вместе. Если он падает, его вес становится твоим.

В моей памяти особенно остался новобранец, которого мы называли Лёшей. Он приехал издалека, говорил быстро, постоянно путался в застёжках и терял перчатки. Некоторые посмеивались над ним. Однажды после марш-броска он опустился на землю и не смог подняться. Командир велел идти дальше, иначе не уложимся в норматив. Я подхватил его под плечо. Ещё один солдат взял с другой стороны, и мы пошли втроём.

Норматив мы сорвали. Досталось всем. Вечером Лёша сказал:

— Зачем ты это сделал? Из-за меня и тебя наказали.

— Я бы на твоём месте хотел, чтобы меня тоже подняли.

— А если б никто не поднял?

Я не нашёл готового ответа. В армии оказалось много таких вопросов, и ни один не укладывался в строчку устава.

Я писал домой письма. Нечасто и скупо. Рассказывал о погоде, о том, что кормят достаточно, о том, что научился беречь ноги. Матери не сообщал о болезнях и бессоннице, отцу — о сомнениях. Но однажды в середине ночи сел

за стол и написал ему: «Как понять, когда приказ правильный, а когда нет?» Я долго держал лист, прежде чем отправить.

Ответ пришёл спустя недели. Отец написал, что не знает всей моей службы, а потому не станет учить меня издалека. Но если когда-нибудь придётся выбирать между собственным удобством и чужой бедой, не надо прикрываться громкими словами. «Сделай то, за что не будет стыдно смотреть матери в глаза».

Это письмо я носил в кармане до тех пор, пока бумага не стала мягкой, почти прозрачной.

К концу службы у меня изменился голос, осанка и привычка смотреть на часы. Прежде я жил временем, которое можно было растянуть: посидеть у ручья, задержаться в разговоре, посмотреть на облака. Армия научила меня, что пять минут бывают решающими. Человек может успеть помочь за минуту и может потерять всё за секунду нерешительности.

В дембельских разговорах товарищи строили планы. Один собирался жениться, другой мечтал о заводе, третий уже знал, в какой институт подаст документы. Меня спрашивали, куда я пойду.

— Домой, — отвечал я.

— А потом?

— Там будет видно.

Дом встретил меня запахом горячего хлеба. Мать обняла так, словно боялась, что я снова исчезну, отец подал руку и только потом прижал к себе. Братья смеялись, расспрашивали обо всём сразу; Римма разглядывала меня внимательно, будто пыталась угадать, кем я стал за годы отсутствия.

Я вернулся в знакомые места, но прежним не был. Дом всё ещё оставался центром мира, однако теперь я знал: далеко за горами люди живут с теми же страхами, обидами и надеждами. Трудно было после этого считать чужую беду чем-то не своим.

В 1963 году мне предложили идти на службу в милицию по направлению Пригородного райкома комсомола. Новость не вызвала дома единодушного восторга. Мать прежде всего спросила, опасно ли это. Эрик хотел знать, будет ли у меня оружие. Тарас поинтересовался, стану ли я теперь штрафовать родственников. Римма сказала, что форма сама по себе никого хорошим не делает.

Отец выслушал всех.

— А ты зачем идёшь? — спросил он.

— Думаю, смогу быть полезен.

— Полезным бывает и сапожник.

— Хочу, чтобы людям было не страшно.

Степан долго молчал, потом кивнул:

— Тогда запомни: люди будут бояться и тебя. Смотри, чтобы у них для этого не было причины.

Эта мысль смутила меня сильнее, чем все рассказы о преступниках. Я представлял милиционера тем, кого зовут на помощь. Не думал, что иногда человек в форме первым вызывает тревогу. Тогда мне казалось: достаточно быть справедливым. Годы показали, что справедливости мало — нужно ещё уметь доказать её поступками, особенно тем, кто давно разучился доверять.

Первую форму я надел перед зеркалом. Не помню, понравилось ли мне отражение. Помню другое: внезапно захотелось снять китель и повесить обратно, пока не поздно. В зеркале стоял не герой, а молодой человек, который ещё не знал, сколько раз ему придётся выбирать между правильным и удобным.

Я всё-таки застегнул последнюю пуговицу и вышел за порог.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПЕРВЫЙ ДЕЖУРНЫЙ

1963 год

Первое разочарование милицейской службы состояло в том, что она редко походила на кино. Вместо погонь — бумаги. Вместо громких раскрытий — мелкие обиды, потерянные документы, ссоры из-за границы огорода, семейные крики за дверями. Люди приходили не в удобное время и не с хорошо изложенными просьбами. Они забывали даты, путали имена и сердились, если их просили повторить историю.

Старший сотрудник, который вводил меня в дело, называл любую жалобу «чужим клубком».

— Потянешь за нитку и обнаружишь, что там завязана вся деревня, — говорил он. — Не рви сразу. Развяжи.

Его совет я поначалу понимал буквально. Хотел выяснить, кто прав, кто виноват, и поставить точку. Но точки не получались. Два соседа делили не только яблоню у межи: один помнил обиду двадцатилетней давности, другой считал, что его семью всегда недооценивали. Семья, жаловавшаяся на шум, нуждалась не в наказании, а в помощи больной старухе. Подросток, которого приводили за драку, приходил домой к пустой плите и отцу, возвращавшемуся поздно.

Однажды ко мне пришла женщина с мальчиком. Его поймали на мелкой краже. Женщина не просила оправдать сына. Она просила, чтобы я не кричал на него перед всеми. Мальчик смотрел себе под ноги и сжимал кулаки так, что ногти белели.

Я усадил их, налил воды и велел мальчику рассказать самому. Он сначала молчал. Потом признался, что украл не потому, что голодал, а потому, что хотел доказать друзьям свою смелость. Женщина закрыла лицо руками.

— Почему не сказал мне? — спросила она.

— Ты бы всё равно не поняла.

— А ты пробовал?

Я слушал их и ощущал собственную ненужность. Они говорили друг с другом впервые за много месяцев, и единственное, что мог сделать

милиционер, — не мешать. Позже я оформил необходимые бумаги и объяснил последствия. Нарушение не исчезло от сочувствия. Но мальчик вышел из кабинета не униженным, а ответственным за содеянное. Мне хотелось верить, что это имело значение.

Служба постепенно забрала у меня привычку судить быстро. Иногда виноватый начинал плакать, а пострадавший — врать. Иногда самый громкий человек оказывался испуганным, а молчаливый — жестоким. Я учился отличать факт от слуха, а раскаяние от хорошо сыгранной роли. Ошибался тоже. Однажды слишком резко поговорил со стариком, которого заподозрили в чужой пропаже. Через день выяснилось, что он непричастен. Я пришёл к нему домой извиниться.

Старик долго не открывал. Наконец появился в дверях и спросил:

— Ещё что-то надо?

— Простите. Я был неправ.

Он прищурился:

— Тебя начальник заставил?

— Нет.

— Тогда заходи. Чай попьём.

За чаем он рассказывал о своей молодости, будто не было ни подозрений, ни обиды. Лишь на пороге сказал:

— Не всех, кто молчит, надо подозревать. Некоторые просто боятся лишнего слова.

Вечером я вернулся домой позже обычного. Соня спросила, трудно ли работать. Я ответил, что труднее всего — не стать человеком, который всегда уверен в собственной правоте.

— Это не профессия виновата, — сказала она. — Упрямые везде одинаковые.

Потом засмеялась и добавила:

— Ты с детства такой. Хорошо хоть иногда замечаешь.

Мы с братьями ещё могли шутить о моей форме. Тарас спрашивал, задержу ли я его, если он опоздает к ужину. Эрик предлагал собственные способы ловить воров, чаще всего совершенно непригодные. Римма отводила меня в сторону и говорила о той или иной семье: не для того, чтобы подсказать решение, а чтобы я услышал то, о чём люди стеснялись рассказывать в кабинете.

Так у меня появилась первая неофициальная карта района. Не улицы и номера домов, а человеческие связи: где недавно умер кормилец, кто болеет, кто никак не помирится с братом, у кого ребёнок боится идти в школу. В бумагах этого не было. А без этого, как оказалось, невозможно было понимать, что происходит.

В 1968 году меня назначили участковым инспектором. Поначалу я воспринял это как повышение: больше самостоятельности, больше доверия. Очень скоро понял, что получил не участок земли, а сотни чужих жизней, в

каждую из которых мог войти лишь по необходимости и с уважением.

Когда я вышел после назначения, на улице моросил дождь. Мне встретился знакомый старик. Он посмотрел на мои погоны и сказал:

— Теперь ты будешь знать всё про всех.

— Нет, — ответил я. — Надо хотя бы научиться слушать.

Он покачал головой и улыбнулся:

— Посмотрим, хватит ли тебя надолго.

Тогда я ещё не знал, что проверять меня будут больше двадцати лет.

ГЛАВА ПЯТАЯ. УЧАСТОК БЕЗ ГРАНИЦ

Конец шестидесятых

На карте границы моего участка выглядели убедительно. Линии, названия, дороги — всё на своём месте. В жизни же оказалось, что у человеческой беды нет привычки останавливаться перед административной чертой. Если меня искали вечером в Майском, а утром в Чермене, я ехал туда, где требовался. Начальство напоминало о порядке, я кивал и потом снова поступал так же.

Мой день начинался со списка адресов. В одном дворе ссорились из-за воды, в другом кто-то неделю не видел сына, в третьем подозревали соседа в краже. Однако к обеду список обычно становился бесполезен. На рынке у женщины пропадала сумка; по дороге пожилому мужчине становилось дурно; в доме с маленькими окнами взрослые выясняли отношения так громко, что дети выходили во двор и притворялись, будто играют.

Я быстро научился отличать настоящий покой от затишья. Бывает, дверь закрыта и во дворе всё прибрано, но стоит постучать, как в окне мелькает испуганное лицо. И бывает наоборот: люди кричат через весь двор, а через десять минут уже пьют чай вместе. Нельзя было одинаково входить в каждый дом. Нужно было знать не только закон, но и меру собственного присутствия.

Жила на моём участке женщина, которую все называли тётей Мариной. Она потеряла мужа и растила двоих сыновей. Старший, Арсен, работал, младший, Гиви, попал в дурную компанию. Соседи писали заявления, что по ночам возле дома собираются подозрительные ребята. Я пришёл к ним днём. Гиви сидел на крыльце, выстругивал что-то из ветки и не поднял головы.

— Ты почему по ночам здесь сидишь? — спросил я.

— Дома душно.

— А в других дворах тоже душно?

Он усмехнулся. Тётя Марина стояла в дверях и дрожала не от холода. Я понял, что если сейчас начну угрожать, сын останется злым, а она — ещё более одинокой.

Я предложил Гиви помочь мне привести в порядок старую площадку возле дороги. Доски для лавки, работа молотком, мусор — ничего героического. Он сначала отказался. Потом пришёл, потому что вместе с ним пригласили ещё троих ребят, перед которыми он не хотел выглядеть трусом. Мы работали два

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.